

нальную плоскость: начинает звучать не потенциально скептическое положение об ограниченности истинного познания мира и его Творца, как в энтимеме, а радостно-благодарное по отношению к Богу представление о Его безграничности и всемогуществе, представление, бросающее обратный свет и на созданного по образу и подобию Божию человека, наделяющее и его величием и мощью. Возможность существования данного — сложного и едва ли разложимого на строго согласованные между собой по правилам формальной логики «простые идеи» — идейно-эмоционального комплекса духовных переживаний в поэзии XVIII в. — именно в поэзии, а не в философском или же собственно богословском дискурсе¹⁴ — подтверждается столь весомым фактом, как ода Г. Р. Державина «Бог», которая создана с явной, хотя и, по мнению некоторых исследователей, отчасти полемической, оглядкой на ломоносовскую традицию.¹⁵

Оказывается, что смысл ломоносовской оды — не простая и плоская в своей логической однозначности формула, но нечто совершенно иное — сложный, разнонаправленный семантический поток, который невозможно заменить ясными логическими определениями. Смысловому полю «Вечернего размышления...» свойственны расплывчатость и та «логическая аморфность», которая, по словам Д. Е. Максимова, характерна для художественной идеи. Несмотря на формализованность одического смыслопорождения, задуманного как разновидность силлогизма, творимый в его результате мир создан идеями художественными, а не логическими, он сложен, многоуровнен, в потенции неисчерпаем.

Как видим, «Вечернее размышление...» Ломоносова действительно являет собою выразительный пример способов смыслопорождения в художественном тексте рефлексивно-традиционалистской эпохи. С одной стороны, в нем легко обнаруживаются основные черты данной культуры, в частности, что нас сейчас занимает в первую очередь, регламентированность и предопределенность типов смыслопорождения: семантическая структура анализируемой оды есть не что иное, как актуализация теоретически описанной в риторике логической модели, лишенной двусмысленности и многозначности. С другой — ломоносовское стихотворение, при всей рациональности идейной структуры, обнаруживает полисемантический художественный смысл, никак не вмещающийся в логическую

¹⁴ Нечто подобное поэтическому развитию рассматриваемой темы, думаю, можно обнаружить в духовно-поучительной литературе, связанной с традицией мистического богословия; имею в виду сочинения Тихона Задонского, Гр. Сковороды (если его правомерно воспринимать в контексте русской словесности), масонских авторов. Было бы интересно установить степень зависимости принципов металогического смыслопорождения в текстах данных авторов от их отношений с Церковью и ее культурой.

¹⁵ См., например: *Серман И. З. Русский классицизм. Л., 1973. С. 78.*